

ФИЛОСОФИЯ

(шифр научной специальности: 5.7.8)

Научная статья

УДК 130.2

doi: 10.18522/2070-1403-2025-111-4-103-109

КУЛЬТУРФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ИСТОРИЧЕСКОГО ОСНОВАНИЯ ИДЕОЛОГИИ: ОСМЫСЛЕНИЕ ИСТОРИИ ИЛИ ИСТОРИЗАЦИЯ СМЫСЛОВ?

© **Юрий Александрович Шестаков**

Институт сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) Донского государственного технического университета в г. Шахты, г. Шахты, Россия
shesyur@mail.ru

Аннотация. Проведен анализ исторического основания идеологии с целью выяснить ее роль в обосновании идеологической доктрины, которая должна придать смысл бытию нации в истории и уяснить обратное влияние идеологической доктрины на интерпретацию истории, придающей ей национальный смысл. Сделан вывод, что идеологическая интерпретация истории находится под влиянием мировоззренческих, историко-философских, в конечном счете идеологических установок. Эти установки выработаны историей в качестве смыслов. В этом же качестве они поддаются рациональной рефлексии. Поэтому историческое основание идеологии позволяет ответить на вопрос об условиях и пределах реализации национальной идеологической доктрины. Иными словами – о тех культурных рамках, которые определяют глубинные основания национальных интересов в качестве аксиологических констант. Перспективы исследования состоят в выявлении этих конкретных аксиологических констант в качестве постоянных смыслов национальной истории на основе рефлексии исторически преходящих национальных идеологических доктрин.

Ключевые слова: история, идеология, смысл, константы, культура, философия.

Для цитирования: Шестаков Ю.А. Культурфилософский анализ исторического основания идеологии: осмысление истории или историзация смыслов? // Гуманитарные и социальные науки. 2025. Т. 111. № 4. С. 103-109. doi: 10.18522/2070-1403-2025-111-4-103-109.

PHILOSOPHY

(specialty: 5.7.8)

Original article

Cultural and philosophical analysis of the historical basis of ideology: comprehension of history or historicization of meanings?

© **Yuriy A. Shestakov**

Institute of Service and Entrepreneurship (branch) Don State Technical University in Shakhty, Shakhty, Russian Federation
shesyur@mail.ru

Abstract. The article analyzes the historical basis of ideology in order to clarify its role in substantiating the ideological doctrine, which should give meaning to the existence of a nation in history and to clarify the reverse influence of ideological doctrine on the interpretation of history, which gives it a national meaning. It is concluded that the ideological interpretation of history is influenced by ideological, historical and philosophical, ultimately the account of ideological attitudes. These attitudes have been developed by history as meanings. In the same capacity, they are amenable to rational reflection. Therefore, the historical basis of ideology allows us to answer the question of the conditions and limits of the implementation of the national ideological doctrine. In other words, it is about those cultural frameworks that define the deep foundations of national interests as axiological constants, that is, permanent meanings of national existence. The prospects of the study are to identify these specific axiological constants as permanent meanings of national existence based on the reflection of historically transitory national ideological doctrines.

Key words: history, ideology, meaning, constants, culture, philosophy.

For citation: Shestakov Yu.A. Cultural and philosophical analysis of the historical basis of ideology: comprehension of history or historicization of meanings? *The Humanities and Social Sciences*. 2025. Vol. 111. No 4. P. 103-109. doi: 10.18522/2070-1403-2025-111-4-103-109.

Введение

Кризис смыслов, характерный для ситуации постидеологической эпохи, возникшей «...благодаря появлению концепций деидеологизации» [4, с. 9] и тот факт, что идеология смешивается в различных современных дискурсивных «коктейлях» с понятием мировоззрения (в том числе и на государственном уровне) обусловил попытки обоснования необходимости идеологии традиционализмом, защитой традиционных ценностей (см., например, Стратегию национальной безопасности России). Эти попытки выглядят достаточно аргументированными с точки зрения истории культурфилософской мысли. Недаром по мнению одного из видных теоретиков идеологии А. Грамши, основной задачей идеологических концептов является сохранение традиций, исторической памяти, а также регуляция и упорядочивание общественного (в том числе национального) бытия. Традиционалистская интенция формирования массового сознания в силу этого представляет собой вполне определенную идеологию, необходимо требующую обоснования историей и обосновывающую основные направления исследований в рамках этой области познания. В этой связи необходимость выявления в рамках философии культуры исторических оснований идеологии представляется актуальной задачей.

Обсуждение

Настоятельная необходимость национально-государственной идеологии настолько очевидна, что правоведческая мысль России утверждает даже, что «необходимым признаком государства служит и наличие государственной идеологии» [1, с. 15], что государство «должно находиться в гуще идеологической борьбы и защищать основы общественного строя» [1, с. 19]. Вспомним и исторический опыт – К.П. Победоносцева, утверждавшего, что безверное государство – «утопия, невозможная к осуществлению», и В.И. Ленина с его требованием «сознательности масс», осмысленно поддерживающих «свое» государство. И в зарубежной политической реальности мощные, дееспособные государства в действительности не приемлют идеологическую пассивность, имплицитно защищая духовные скрепы своего национального бытия прямыми запретами распространять ценности, угрожающие «основам» их «конституционного строя».

Действительно, общество формирует, систематизирует и скрепляет целенаправленная деятельность. А деятельность без конкретного смысла невозможна. Предназначение же политической сферы общественной жизни как раз и состоит в том, чтобы определять цель всего общества, обеспечивать эффективность деятельности сообщества, невозможной без этой цели, созидать рациональный порядок, опять-таки бессмысленный без определенной, общей для всей нации цели, поскольку «политика, по сути, направлена на поиск компромиссных решений, выполняющих интегрирующую и мобилизующую функции по отношению к обществу» [12, с. 31]. Цель необходимо должна иметь характер ценностный, отражать подлинные интересы, сформированные культурой, историческим развитием общества и прошедшие горнило философской рефлексии. Это ведет к необходимости как появления идеологической доктрины, так и ее исторического обоснования.

Не случайно эта связь исторического и идеологического особо актуальна для тех сообществ, которые сталкиваются с острой проблемой самоидентификации, связанной, в свою очередь, с формированием нации. Так, в Узбекистане наряду с сильной экономикой в качестве идеологической цели провозглашен «идеологический иммунитет». В Кыргызстане также признается экзистенциально важным создание собственной идеологической доктрины, на собственной исторической основе. В Белоруссии провозглашена официальная идеология. Сейчас, фактически, закончена ее окончательная институционализация. Созданы учреждения, которые занимаются организацией идеологической работы, причем на всех администра-

тивных уровнях. Созданы условия для трансляции идеологической доктрины посредством образовательных и воспитательных, в том числе исторических, практик.

По нашему мнению, «память ценят там, где существуют проблемы с идентичностью» [13, с. 139]. В этой связи показательна проблема создания единого российского учебника истории. Зачастую она усматривается аналитиками в том, что Болонская система, в которую два десятилетия назад вошла Россия, и основы нашего конституционного строя предполагают плюрализм ценностей, а следовательно плюрализм оценок и основанного на них осмысления исторического процесса. Однако здесь не принимается в расчет, что гражданское общество не только плюралистично. Оно скреплено своей гражданственностью, предполагающей правовое, а потому нормативное, ценностное единство. И действительно, массовое сознание нации необходимо включает в себя правосознание, то есть отношение к праву – положительное или, напротив, отрицательное, определяющее авторитет не только права, но и государственной власти.

Политическое осмысление бытия нации проявляет себя в первую очередь посредством правового. Очевидно, что вне определенной политики, направленной на минимизацию проявлений правового нигилизма ни одно государство не в состоянии существовать. Кроме того, само законодательство необходимо в силу того, что право как форма общественных отношений, «основано на исторической традиции» [6, с. 62], а следовательно предполагает историческое обоснование, авторитет, основанный на прошлом и его отражении в массовом сознании. Но ценностное единство нации необходимо выходит за рамки единства правового. Последнее есть лишь аспект, сторона, момент того аксиологического симбиоза, который сформирован генезисом и развитием национально-государственного сообщества. Это единство культуры, созданное историей как полем ее реализации, осуществления, актуализации. Поэтому «существование идейного плюрализма не устраняет консолидированной ментальной базы каждого конкретного общества» [2, с. 6].

Не случайно Р. Барт понимал идеологию как вторичную семиотическую систему, когда знак приобретает дополнительное значение и становится средством для репрезентации аксиологической системы более высокого, ментального, порядка. Именно поэтому и различные виды искусства, даже такие как кинематограф, не свободны от идеологической составляющей, доказательством чему стала, например, «герменевтика подозрения» – изначальная установка теоретиков киноискусства на выявление некоей неявной идеологии в любом кинопроизведении [8, с. 93], воплощающей, через сюжет и образы, определенный идеологический конструкт [5, с. 16]. Поэтому ценностный плюрализм возможен лишь в определенных рамках, сформированных историческим процессом, осмыслить который можно и должно на основе прежде всего исторической науки.

Недаром, по мнению аналитиков, формирование патриотического национального сознания возможно «...только в том случае, когда смыслообразующая функция исторического познания будет, в процессе исторического воспитания, стимулирована отражением в историческом сознании россиян архетипов» [10, с. 155]. И при таком понимании совершенно немислимым выглядит, например, противопоставление точек зрения на присоединение Казанского ханства (усиление централизованного государства или «оккупация» места компактного проживания татар) [3, с. 48]. Достаточно привести один (сугубо исторический, как он понимается в контексте исследования, пример) искусственности подобной антитезы.

Всего через несколько десятилетий после присоединения Казани произошла гибель России. Российское государство, «оккупировавшее» татар, перестало существовать. Логичным выглядело бы стремление к восстановлению независимости и суверенитета «оккупированных» народов, в том числе татарского. Однако в соответствии с этатистской аксиологической константой России, татары, а также башкиры и представители ряда других «покоренных» народов, вступили в состав ополчения, которое стремилось восстановить централизованную российскую государственность. И в итоге преуспели в этом. Да и само решение проблемы с историческим содержанием будущего учебника выразилось в том, что споры,

вспыхнувшие по поводу этого содержания в обществе, закончились традиционно, то есть принятием точки зрения на него государственной власти, сумевшей примирить крайние стороны спора о нем.

Не есть ли это свидетельство неизбывного этатизма? Что касается утраты идентичности, так же указываемом в качестве препятствия к созданию подобного учебника, то последний как-раз и призван восстановить ее, формируя историческое сознание на основе не шизофренизации истории, предполагающей наличие ценностных провалов, лакун, обесмысливающей ее, а аксиологического единства, придающей ей смысл [2, с. 5]. Такое единство не отрицает критику определенных исторических периодов. Однако критику на основе прочного аксиологического фундамента, критику, предполагающую ответ на вопрос: насколько события, явления, процессы, тенденции исторического развития реализовывали «историческую константность», выявленную историей?

Именно поэтому основная роль истории в контексте идеологии есть осмысление прошлого, но осмысление не объективной, а субъективной реальности. Иными словами, осмысление себя, то есть той социальной группы с которой объект идеологического воздействия себя идентифицирует. В контексте настоящего исследования – нации. Поэтому выявление таких смыслообразующих констант и есть задача истории в качестве обоснования идеологии. «История есть процесс постоянной упорядоченной рефлексии, существующий для того, чтобы придать смысл настоящему, а в идеале (идеологии) и будущему» [9, с. 139]. Идеолог с этой точки зрения конструктор прошлого. Конструирует он его на основе объективного знания о нем, которое предоставляется историей. Однако историей в качестве отражения определенных смыслов, продуцируемых, в свою очередь, идеологическими доктринами прошлого.

Объективность исторической науки в этом смысле есть объективность постижения субъективных смыслов, формирующих национальную субъектность и выражающихся, в первую очередь, в языке. Идеологии проявляют себя как формы единой национальной культуры, а потому они не могут обойтись без выявления конкретного культурного содержания, культурного субстрата, сплачивающего нацию. Не удивительно, что это осмысление тесно связано с идеологией. Категория смысла очень тесно связана с категорией цели. Мысль о смысле прошлого обосновывает мысль о смысле настоящего и грядущего, обосновывает цели, которым руководствуется общество, то есть его идеологию.

Именно неизбывная субъективизация истории (и как прошлого, и как науки) дает нам ответ на вопрос: каковы же те ценностные константы, которые определяют и должны определять наше мировоззрение, нашу идеологическую интерпретацию мира? С точки зрения этой роли истории по отношению к идеологии актуальным является осмысление самих национальных идеологических доктрин как исторического явления. В этом качестве идеологическая доктрина выступает, по словам видного отечественного политолога Г.И. Мусихина, «когнитивным механизмом и одновременно – когнитивным фильтром политического мировоззрения» [9, с. 134].

На его взгляд в рамках современной парадигмы исследования идеологии в историческом контексте и ее влияния на историю «история превращалась в процесс производства не только социальных и прочих интересов, но и коллективных смыслов» [9, с. 137]. История трансформируется, благодаря влиянию на ее процесс и изучение идеологических доктрин, из пассивного субстрата социального бытия в его активного преобразователя. Современная исследовательская позиция трактует этот процесс с точки зрения толкования смыслов идеологического дискурса, который представляет собой, по мнению ее сторонников, вовсе не отражение в инертном и пассивном языке каких-то конкретных социально-экономических и т.п. интересов, а заранее предзаданные в языке дискурсивные практики, которые, очевидно, должны были сформироваться на заре существования национально-государственного и даже цивилизационного сообщества.

Именно поэтому в разных странах наличие одинаковых социально-экономических проблем не приводит к формированию одинаковых идеологий, призванных мобилизовать общество на их решение. Для того, чтобы выступать в данном качестве идеология должна найти свое основание в отрефлексированной объективности истории. В этой связи показательна фраза автора труда «Метаистория» Х. Вайта: «история является не прошлым как таковым, но тенденциозным преломлением прошлого через настоящее» [14, с. 9].

Идеологичность пропитывает отечественную (как, впрочем, и любую другую) историю, начиная с ее появления. Тенденциозность Нестора вскрыл, как известно, крупнейший специалист СССР в области истории Древнерусского государства академик Б.А. Рыбаков [11, с. 15]. Поскольку генезис национальной идеологии и обсуживающей ее исторической идеологии совпадает с генезисом нации, то историческая доктрина, по определению, начала с обслуживания национальных интересов. Процесс образования нации есть процесс социального сплочения, а «феномен социальной сплоченности скорее «изобретается», а не «обнаруживается»» [9, с. 138] при помощи идеологической интерпретации истории.

Поэтому история идеологии неотделима от ее исторической интерпретации, проводимой в определенных целях, главной из которых является отстаивание национальных интересов в новых исторических условиях. Попытки доказать обратное, предпринимаемые в рамках постмодернистской парадигмы, фактически показывают лишь, что изменяясь до неузнаваемости, поменяв знак плюс на минус в отношении ориентиров национального развития, сущность идеологических доктрин продолжала оставаться той же, ибо аксиологические константы появились еще до окончательного образования нации, на заре ее формирования. Так, революционный дискурс Великой французской революции (как и отечественной революции 1917 г.), предлагал строить совершенно новый порядок на обломках старого.

Однако новизна его была весьма относительна и представляла собой лишь адаптацию констант, лежащих в основе ценностного генезиса нации, к историческим условиям современности. Таким образом, сама идеологическая интерпретация истории находится под влиянием мировоззренческих установок, выработанных историей в качестве смыслов и в этом же качестве поддающихся рациональной исторической рефлексии. Показательно, что еще одну проблему создания единого учебника истории некоторые авторы видят в том, что сама по себе унификация истории «...представляет собой попытку «деидеологизации» истории идеологическими средствами» [7, с. 285]. Отмечается, что социально-философские подходы критически анализируются отечественной исторической наукой «...в рамках заданной марксистской парадигмы анализа исторического процесса» [7, с. 285].

Устойчивость марксистской интерпретации истории (а ведь марксизм, несомненно, является не только теоретическим, но и идеологическим конструктом) «используется в качестве методологического и мировоззренческого основания исторических исследований» [7, с. 285]. Однако сама константность этой идеологии в условиях деидеологизации социально-гуманитарных наук вообще и истории, в частности, свидетельствует о том, что идеологическая интерпретация, то есть, по сути, осмысление, истории неизбывна и что она также обусловлена историей. Поэтому выход состоит не в том, чтобы написать «идеологически рафинированный» учебник и воссоздать в нем «подлинную» историю, а в том, чтобы определить и отрефлексировать те матричные условия, которые предопределяют идеологическую доктрину создания исторических концепций.

Необходимо освободить их от всего случайного и поверхностного и привести в соответствие с требованиями современности, актуализировав их. Сама по себе живучесть марксистской методологии истории и идеологической доктрины (создавших неразрывной симбиоз в форме пресловутого «истмата») доказывает как исторически обусловленную востребованность такой доктрины, так и ее недостаточную отрефлексированность применительно к современным национальным интересам, некритичность отсылки к зарубежным авторитетам прошлого, которые, кстати сказать, крайне отрицательно относились к России и к необходимости решения ею своих национальных задач.

Выводы

Таким образом, историческое основание идеологии позволяет определить условия и пределы реализации национальной доктрины, то есть культурные (по сути) рамки, которые задают глубинные основы национальных интересов как аксиологических констант – постоянных смыслов национального бытия.

Список источников

1. *Бернацкий Г.Г.* Государственная идеология и сильное государство: история и современность // Актуальные вопросы развития российской государственности и публичного права. Материалы II всероссийской научно-практической конференции / Отв. ред. Е.В. Трофимов. 2016. С. 14–20.
2. *Гаврилов О.Ф., Гаврилов Е.О.* Проблемы создания единого учебника истории в контексте конструирования государственной идеологии // Философские, социологические и психолого-педагогические проблемы современного образования. 2021. № 3. С. 4–7.
3. *Габдрафиков И.М.* О едином учебнике истории России: взгляд из Казани и Уфы. Россия и мусульманский мир // Научно-информационный бюллетень РАН. 2015. № 1. С. 19–49.
4. *Дайнеко И.В., Мухин М.А.* Термин «идеология» и его употребление: история и современность // Вестник Науки и Творчества. 2020. № 9 (57). С. 5–11.
5. *Егоров С.О.* Кино, история, идеология: возможные подходы к интерпретации кинотекста // Исторический курьер. 2022. № 5 (25). С. 11–20.
6. *Кожокар В.В.* Фальсификация истории как составная часть идеологии экстремизма и терроризма // Геополитическая картина мира: угрозы и вызовы. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. М., 2022. С. 61–69.
7. *Летягин Л.И.* История, наука, идеология // Историко-педагогические чтения. 2005. № 9. С. 282–285.
8. *МакДональд К.* Теория фильмов. Харьков: Гуманитарный центр, 2018. С. 73–120.
9. *Мусихин Г.И.* Идеология и история // Общественные науки и современность. 2012. № 1. С. 134–146.
10. *Руденко А.М., Шестаков Ю.А.* Социально-философские основы формирования патриотического сознания человека в современном российском обществе // Наука. Искусство. Культура. 2022. № 3 (29). С. 147–156.
11. *Рыбаков Б.А.* Мир истории. Начальные века русской истории. 2-е изд. М.: Молодая гвардия, 1984. 349 с.
12. *Шестаков Ю.А.* Культурфилософский дискурс Запада об идеологии в контексте национальной безопасности // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2024. № 3 (136). С. 28–32.
13. *Kansteiner W.* Finding Meaning in Memory: A Methodological Critique of Collective Memory Studies // History and Theory. 2002. Vol. 41. № 2. P. 179–197.
14. *White H.* Metahistory. The Historical Imagination in the Nineteenth Century. Baltimore Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1973. 448 p.

References

1. *Bernatsky G.G.* State ideology and the strong state: history and modernity // Actual issues of the development of Russian statehood and public law. The authors of the Second All-Russian scientific and practical conference / Ed. by E.V. Trofimov. 2016. P. 14–20.

2. *Gavrilov O.F., Gavrilov E.O.* Problems of creating a unified history textbook in the context of constructing state ideology // Philosophical, sociological, psychological and pedagogical problems of modern education. 2021. No. 3. P. 4-7.
3. *Gabdrafikov I.M.* On the unified textbook of the history of Russia: a view from Kazan and Ufa. Russia and the Muslim world // Scientific Information Bulletin of the Russian Academy of Sciences. 2015. No. 1. P. 19-49.
4. *Daineko I.V., Mukhin M.A.* The term “ideology” and its use: history and modernity // Bulletin of Science and Creativity. 2020. No. 9 (57). P. 5-11.
5. *Egorov S.O.* Cinema, history, ideology: possible approaches to the interpretation of the film text // Historical Courier. 2022. No. 5 (25). P. 11-20.
6. *Kozhokar V.V.* Falsification of history as an integral part of the ideology of extremism and terrorism // The geopolitical picture of the world: threats and challenges. Collection of materials of the International Scientific and Practical Conference. Moscow, 2022. P. 61-69.
7. *Letyagin L.I.* History, science, ideology // Historical and pedagogical readings. 2005. No. 9. P. 282-285.
8. *McDonald K.* The theory of films. Kharkiv: Humanitarian Center, 2018. P. 73-120.
9. *Musikhin G.I.* Ideology and history // Social sciences and modernity. 2012. No. 1. P. 134-146.
10. *Rudenko A.M., Shestakov Yu.A.* Socio-philosophical foundations of the formation of the patriotic consciousness of man in modern Russian society // Science. Art and Culture. 2022. No. 3 (29). P.147-156.
11. *Rybakov B.A.* The world of history. The early centuries of Russian history. 2nd ed. M.: Molodaya Gvardiya, 1984. 349 p.
12. *Shestakov Yu.A.* Cultural and philosophical discourse of the West on ideology in the context of national security // Humanities and socio-economic sciences. 2024. No. 3 (136). P. 28-32.
13. *Kansteiner V.* The Search for Meaning in Memory: a Methodological Critique of Collective Memory Research // History and theory. 2002. Vol. 41. No. 2. P. 179-197.
14. *White H.* Meta-history. Historical imagination in the 19th century. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1973. 448 p.

Статья поступила в редакцию 20.03.2025; одобрена после рецензирования 02.04.2025; принята к публикации 02.04.2025.

The article was submitted 20.03.2025; approved after reviewing 02.04.2025; accepted for publication 02.04.2025.